

Т. С. Злотникова

**Экзистенциальность русского творца «бездны на краю»
(размышления в год 110-летия со дня рождения В. Т. Шаламова)**

Выполнено по гранту РГНФ 15–03–00655

В статье, проблематика которой непосредственно связана с проблематикой судеб русских творцов, современников и жертв авторитарных режимов, проводится контекстуальное сопоставление понятий «испытание» и «пытка». Испытание интерпретируется как экзистенциальная процессуальность, имеющая нравственно-психологическую модальность, пытка же интерпретируется как социально-политическая и социально-психологическая коллизия пребывания личности на грани физических возможностей. Отталкиваясь от повседневных практик русских творцов, учитывая особенности судьбы и творчества «юбиляра» 2017 г., В. Т. Шаламова, в контексте культурного опыта отечественных писателей, актеров, режиссеров, автор утверждает продуктивность ситуации испытания для творческой личности и анализирует умение русских творцов превращать пытку в испытание.

Ключевые слова: испытание, пытка, русский творец, экзистенциальная коллизия, пограничность, Шаламов, Пушкин, Юрский, Франкл.

T. S. Zlotnikova

**Existentiality of the Russian Creator of «Abyss on the Edge»
(thoughts in the year of the 110 anniversary since the birth of V. T. Shalamov)**

In the article, its problematics is directly connected with a perspective of the fate of the Russian creators – contemporaries and victims of the authoritarian regimes – here is carried out contextual comparison of the concepts «testing» and «torture». Testing is interpreted as existential procedurality having a moral and psychological modality, torture is interpreted as a socio-political and social and psychological collision of the personality's stay on the edge of physical abilities. Basing on daily activities of the Russian creators, considering features of destiny and works of «the hero of the anniversary» in 2017, V. T. Shalamov, in the context of cultural experience of Russian writers, actors, directors, the author approves efficiency of the situation of testing for the creative person and the ability of the Russian creators to turn torture into the testing.

Keywords: testing, torture, Russian creator, existential collision, frontier, Shalamov, Pushkin, Yursky, Frankl.

Экзистенциальность русского творца всегда погранична и потому всегда драматична. Погораничность проявляется и в социально-политическом модусе, поскольку не просто меняется политический строй, но, казалось бы, локальные и даже случайные акции и коллизии (публикация или просто написание публицистических статей, юношеские диспуты) приводят к социальным взрывам, а субъекты действий не всегда различают интеллектуальные, сугубо теоретические опыты и опыты по вторжению в реальность. Погораничность проявляется и в научном модусе (открытия, которые не получают признания или получают это признание в другое время и в других местах); и в религиозном модусе (выбор веры как противостояние ментальностей). Она погранична и в нравственно-психологическом модусе бытия и быта (кажущаяся простота обыденной жизни подчеркивает масштабность проблем и противостояний).

Последний модус необходимо охарактеризовать особо, ибо сочетание внешне (формально)

обыкновенного, привычного, едва ли не банального, с одной стороны, и необычного, выходящего за рамки повседневной привычки, с другой стороны, – становится источником испытаний, о которых идет речь. В отечественной культурной традиции «обыкновенное» – «Обыкновенная история» у И. Гончарова, «Обыкновенное чудо» у Е. Шварца, «Обыкновенный человек» у Л. Леонова, «Обыкновенный фашизм» у М. Ромма – предстает как инвариант «экстремального»; в экстремальной ситуации человек живет едва ли не двадцать четыре часа в сутки, привыкая к подобному, явно странному существованию и уже не воспринимая его ни как странное, ни, тем более, как экстремальное.

Пушкинское «есть упоение в бою» – это, разумеется, позитивный посыл, но он продолжается экстремальным «и смертной бездны на краю». Утверждение испытания как способа жизнеустроения вдвойне драматично, ибо пребывание «на краю» уже содержит в себе риск и опасность (как пошутил поэт XX в., И. Губерман в отношении

мира, в котором «пресно», – лишь в России интересно, «поскольку бездны на краю»). Но край может быть у приспособленного для мирного сидения дивана, край может быть даже у дороги (сравним у С. Беккета – край, у которого сидят персонажи «в ожидании Годо»), у неба или моря; в пушкинской же версии человек пребывает на краю «бездны», да еще и не просто бездны, а «смертной бездны». Таким образом, *испытание* для русского творца – это состояние по сути дела привычное, а потому утрачивающее признаки экстраординарности, не обещающее опасность и ужас.

Так складывается привычка к опасности. Привычка к ужасу. Привычка к существованию бездны на краю. Именно на этом экзистенциальном стержне формируется тот процесс, которому далее будет уделено внимание: *превращение испытания в пытку*.

Можно составить далеко не короткий список того, что именно *для русского творца* является *пыткой*, причем чаще всего – пыткой повседневной, что делает ее, с одной стороны, неотвратимой и неотменяемой (в пространстве быта), как саму повседневность, с другой же стороны, столь же тяжелой (в пространстве бытия), как жизнь Прометея, прикованного к скале и ежедневно ожидающего посещения выклевывающего печень орла, или, как минимум, труд Сизифа, катящего в гору камень, методично обрушивающийся на его голову.

Во-первых, испытанием назовем *скуку*, окружающую человека мягкой и пресной субстанцией, скуку как атмосферу прозябания, бессмысленности, аморфности. В русской культурной традиции мотив скуки имеет множество обертонов, обусловленных спецификой личности каждого творца, его биографическим контекстом, а также конкретной ситуацией, в которой рождается упоминание этого состояния. «Но скука, скука, Боже правый, царит и здесь, как над Невой», – восклицает не чуждый провинциальной, правда, усадебной, а не городской жизни М. Лермонтов в «Тамбовской казначейше». Мотив скуки как сна (и сна как волшебного выхода из скуки) звучит у И. Гончарова, но прежде, предваряя эти нюансы мотива, звучит у Н. Гоголя, тоскующего о вселенском масштабе уже не просто состояния, а мироощущения: «скучно жить на этом свете, господа». У Н. Лескова измена и убийства в «Леди Макбет Мценского уезда» происходят, как это ни странно, не от силы страстей, а от скуки, о которой в одном из эпизодов чуть не на каждой странице, да еще по несколько раз возникает это слово. Уже в XX в., у М. Горького, в частности, в «Варварах», в

маленьком городе, который с высокой точки выглядит аппетитным блюдом, яичницей, приезжие интеллектуалы-инженеры и местные чиновники ведут внешне простой, а по сути полный странного и тяжелого напряжения образ жизни; обычные люди, мужчины и женщины, тяготятся бессмысленностью бытия, от скуки соблазняются, ревнуют и даже умирают. Для русских творцов скука – зло, часто непреодолимое и ощущаемое в его многогранности, по сути дела – источник, причина экстремальных развязок такой обыденной и, на первый взгляд, спокойной провинциальной жизни.

Во-вторых, испытанием назовем *одиночество*. Приведем только один, далеко не широко известный пример, в котором отражается мироощущение многих русских творцов – жителей усадеб, обитателей провинциальной среды, которые, даже попадая в столицы и за границу, чувствовали себя одиночками, изолированными, невостребованными, непонятыми. В новелле «Фауст» И. Тургенева одиночество воспринимается сначала благотворным спутником уединения (отметим, что «одиночество» и «уединение» – слова однокоренные и, при всех непредсказуемых и двойственных вариациях смыслов, достаточно близкие), по-своему приятного, с книгами и нераздражающим мелким дождем за окнами. «Скучать я не буду, – пишет другу приехавший ненадолго в провинцию герой. – Я привез с собой несколько книг, и здесь у меня библиотека порядочная». Затем все же возникает угроза одиночества после намечавшегося славного и трогательного романа, и герой предощущает расставание, которое, как и отторжение от провинции, станет источником уже не скуки, а подлинной тоски: «темна и скучна покажется... жизнь», одинокая, без милого человека и уютного пространства.

Наконец, предчувствуется кончина не на шутку – уж не от скуки ли? – привлечшей его внимание женщины; и автор-персонаж обнаруживает характерный сдвиг, когда в единый ряд становятся три понятия: скука – одиночество – тоска, чувство которой «во мне росло и росло» в ожидании утра.

В-третьих, испытанием назовем *непонимание*, простирающееся и в обыденные практики, как это во множестве случаев было у Чехова. Так, у него персонажи то и дело стреляют (только в пьесах – Треплев в чайку, потом в самого себя, Соленый в Тузенбаха, Иванов в самого себя, причем все выстрелы смертельные, а также Войницкий в Серебрякова, и этот выстрел трагикомичен, ибо настигает вазу, а не человека; даже в водевиле «Медведь» стреляют, правда там дуэль между женщиной и мужчиной приобретает откровенно анекдо-

тический характер). Звуки выстрелов, направленных не просто в себя или другого, а призванные разрядить одиночество, воззвать к сочувствию, спровоцировать контакт, никому из окружающих по сути не слышны [2]. Зато всем слышны мелкие перебранки, попреки, жалобы. Можно интерпретировать обращение к огнестрельному оружию не как способу убийства, а как странному, но единственно возможному способу коммуникации у художника-маргинала А. Лобанова [1, с. 42–45], который в качестве орнамента-обрамления своих рисунков использовал монотонно повторяющийся мотив огнестрельного оружия. В любом случае непонимание разрастается, и вот уже людей разделяет непреодолимая стена – характерный мотив работы бессознательного, как это интерпретировал З. Фрейд и как это воспринимали отечественные творцы. В своем философски-углубленном автобиографическом повествовании актер, режиссер, писатель С. Юрский осмысливал феномен стены непонимания и невостреманности как экзистенциального испытания: «Барьеры, через которые каждый день приходилось перешагивать, – это пустяк. Заборы, в которых с трудом находили щели, чтобы идти дальше, – в конце концов, это тоже преодолимо. Но были стены, через которые не перелезешь, о которые бились головы, возле которых садились мои товарищи, и я среди них, в утомлении и безразличии, а потом поднимались и шли обходным путем. А обходной путь длится иногда годы и годы». С. Юрский делал трагичный в своей неоспоримости вывод: «Я понял только одно: передо мной стена» [8, с. 140–141, 142]. Мотив стены-непонимания, стены-коммуникативной и социальной преграды – или ее вариантов в виде препятствий и плоскостей, дробящих обитаемое пространство, – вполне характерен для представлений, признаваемых психоаналитическими методиками в качестве признаков невротических отклонений психики. З. Фрейд фиксировал у своих пациентов и у себя самого сновидения, где возникали то «какие-то странные ограды или заборы, сплетенные из сучьев в виде небольших квадратов», то «маленький деревянный дом, у которого вместо задней стены было большое окно», что психиатр толковал как символ гроба, могилы [6, с. 147, 183]. Болезненность психического состояния человека, находящегося в оппозиции к миру или к себе самому, воплощается в образе стены.

В-четвертых, назовем саму по себе *обыденность*, жалкую и нечистую, полную отталкивающих мелочей и нерадующих воспоминаний. Здесь образуется значительный по составу и разнообразный по индивидуальностям творцов номина-

тивный ряд, в начале которого оказываются женщины с их обостренным ощущением неблагополучия, дискомфорта, неэстетичности этой самой обыденности. Испытание обыденностью прошли и Л. Петрушевская с ее калушатами и «женщинами в голубом»; и Л. Улицкая с ее Шуриком и множеством персонажей, сплошь состоящих из физиологических «ошибок» и психологических комплексов; и не слишком известный в России драматург-абсурдист конца XX в. А. Шипенко с его сыном и матерью, чья речь полна наименований обычно скрытых частей тела и его отправлений; и широко известный постмодернист В. Пелевин с его откровенной тоской по любви и пониманию и, в то же время, такими, пожалуй, самыми главными персонажами, как нелюди-насекомые.

Иными словами, для вечно недовольного жизнью русского творца – недовольного мирозданием и его создателями, властью и ее субъектами, погодой (жарой и холодом), едой (сладкой и горькой), обилием людей и безлюдьем – для этого творца *пыткой является сама жизнь*.

Разумеется, *особый аспект испытаний и особая пытка* присутствуют в политической сфере, куда неминуемо, часто, кстати, по их собственной воле внедряются отечественные творцы. Жизнь «за решеткой», арест, удаление от людей, наказание несвободой, а также, о чем будет сказано ниже, перегрузка свободой выбора – чаще рассматриваются самими творцами как *испытание*, хотя все понимают, что в подобном испытании велика компонента страданий, терзаний, опасностей, превращающих такие испытания в *пытку*. Мотив испытания как пытки выбором и последующими страданиями широко представлен в русской классической живописи: камерное полотно «Всюду жизнь» Н. Ярошенко, публицистическое «Арест пропагандиста» И. Репина – и полотна на библейские сюжеты, приобретающие по обыкновению актуальное звучание, прежде всего такие, как «Что есть истина» Н. Ге, «Христос в пустыне» И. Крамского.

Важным представляется следующий тезис: для отечественных творцов *пытка – простодушная замена изоциренного испытания*. В российский традиции второй половины XX в. – сознательно *превращать пытку в испытание*: так было у писателей, для которых опыт арестов и заключений, опыт несвободы в ее самом конкретном, повседневном (как ни парадоксально и трагично это звучит) виде стал значительной частью их жизни – у А. Солженицына («Архипелаг Гулаг», «В круг первом», «Раковый корпус»), у Ю. Домбровского («Хранитель древностей», «Фа-

культет ненужных вещей»), у В. Шаламова («Колымские рассказы» и др.), у Г. Владимова, единственного из названных творцов, не прошедшего через собственное заключение, но «пережившего» его в лучшем, как полагаем, своем сочинении, «Верный Руслан». Модальность произведений всех этих, в остальном существенно отличающихся друг от друга творцов, прочитывается вполне определенно: то, что охранители и надзиратели считают *пыткой*, которая служит для получения любого требуемого результата, будь то признание вины или унижение / подавление личности, – то для «наказуемого», по его, чаще всего осознанному решению, становится *испытанием*. Этот мотив оказался близок даже недавнему нацболу З. Прилепину (роман «Обитель»).

Особая, немаловажная, но малоизученная проблема: *пытка творчеством*. Такая ситуация может быть охарактеризована как с точки зрения коллег-профессионалов, знающих «цену» эмоциональных и физических затрат, так и с точки зрения массовой публики, для которой художественное творчество часто существует как сфера легкой и приятной жизни, имеющей главным результатом славу и материальный доход. Для этой, массовой публики сама мысль о пытке творчеством неактуальна и даже провокативна. Однако мы считаем важным напомнить о сложности и затратности балетных тренировок, множестве травм и самоограничений (М. Плисецкая в интервью А. Вознесенскому произнесла свое знаменитое «сичу не жрамши»); работу вопреки болезни (конкретные свидетельства – автопортрет И. Репина с иссохшей рукой, реплика А. Чехова – «легкое не хрипит, но хрипит совесть»). В качестве свидетельства достаточно распространенной ситуации пытки творчеством следует особо отметить и работу творцов, которые, не признаваясь в этом ни окружающим, ни самим себе, словно бы оттягивают момент предъявления готового произведения публике, долго и тяжело живут в условиях неготовности и нежелания завершить ее. Так было в начале 1970-х гг. с Б. Равенских, который, вопреки сложившимся традициям, готовил к выпуску в Малом театре спектакль «Царь Федор Иоаннович» более двух лет. Так было с А. Германом, который собственной волей словно бы повторял навязанную ему прежде коллизию, когда законченные им фильмы «клялись на полку», а свою последнюю работу, фильм «Трудно быть богом», он снимал несколько лет, так и не завершив, причем очевидно, что длительность работы имела не только внешние, финансовые причины, но и внутренние, психологические, художественно-творческие.

Испытание, но не только социальными или экономическими, обыденными или духовно-нравственными ситуациями, а собственно творчеством – такое испытание, понимаемое в широком смысле, мы соотносим с принципом *нусодинамики* (от греческого «нус» – дух), обоснованным В. Франклом (вспомним его собственные испытания / пытку, связанные с пребыванием в концлагере). Принцип В. Франкла применительно к жизни творца, формулируется парадоксально: чем хуже жизнь, как социальная, так и повседневная, тем ярче разгорается «огонь творчества». Понимание принципа нусодинамики вносит существенные оттенки в понимание процессов, происходящих в структуре личности. «Опасным заблуждением» назвал В. Франкл мнение о равновесии («гомеостазис») как потребности человека в естественном для него состоянии. В противовес биологическому равновесию, утверждает он, имеет место человеческая борьба за достойную цель, что вполне сравнимо с упомянутой выше задачей преодоления диссонанса. Необходимое человеку состояние, считает В. Франкл, «не есть просто снятие напряжения любыми способами, но есть обретение потенциального смысла» [5, с. 121]. Отсюда у В. Франкла и возникает понятие нусодинамики, где поляризуются цель (смысл) и человек, поглощенный целеполагающей деятельностью.

С другой стороны, стремление к преодолению дисгармонии – более чем естественно именно для творца художественных ценностей, способного гармонию создать «собственноручно». Как замечает К. Юнг, «тоска художника, возникшая из-за неудовлетворенности современностью, исчезает, как только она достигает в бессознательном первообраза, который способен самым действенным образом компенсировать несовершенство и односторонность духа времени» [7, с. 59]. Вот почему важно подчеркнуть, что В. Франкл не случайно связывает возможности самоактуализации личности именно с нусодинамикой, придающей внешним и внутренним диссонансам экзистенциальный характер. Он позволяет также обнаружить, что если возникают нусогенные неврозы, то в их основе лежит не только конфликт между существованием и сущностью, но нравственный, так называемый внутренний конфликт [5, с. 120].

Наконец, следует обратить внимание на мало кем рефлексируемую, а для отечественной культуры весьма значимую *оборотную сторону медали*, а именно – на то, что происходит с творцом когда нусодинамика (в том числе – испытание, тем более пытка) отсутствует: чем жизнь лучше, притеснений меньше, а свободы больше, тем творчество менее продуктивно и ярко.

Характерной ситуацией предстает угасание активности и творческой самореализации тех, кого в свое время поэт назвал «прорабами перестройки». Эта закономерность проявилась в период после распада СССР, причем не только в силу физиологического старения людей, болезней, утраты сил; явственной была утрата творческого импульса как писателями, «прорабами перестройки», в том числе, к примеру, Ч. Айтматовым, так и режиссерами, в том числе М. Захаровым, адептом «рынка» в искусстве, оказавшимся заложником репутации неконформиста в «Юноне» и «Авось» (1981) и рыночника в «Мудреце» (1989), пришедшим к игре со зрителем, не понимающим его горьких намеков, в «Пер Гюнте» (2011) [3, с. 197–198; 9, с. 275–294].

Возвращаясь у пушкинскому «есть упоение в бою», подчеркнем не просто своего рода эмоциональный всплеск, но бинарность, принципиальную для мироощущения творца в России. Да, для самого Пушкина Болдинская осень, когда, собственно, и была произнесена цитированная реплика из «Пира во время чумы», была воплощением нусодинамики и реализацией принципа испытания творчеством и замены творчеством губительного одиночества, скуки, непонимания и повседневности. Но необходимо признать, что в широком смысле «упоение в бою», непокой и даже страдание осознаются творцами как продуктивные для творчества, поэтому если человек и не ищет «бури» (М. Лермонтов, «Парус») или «боя» (А. Пушкин), то и не отвергает возможность пребывания в состоянии испытания, каковым, к сожалению для обыденной личности, нередко оказывается пытка.

Библиографический список

1. Гаврилов, В., Урываев, В., Шестаков, В. Феномен Александра Лобанова [Текст] / В. Гаврилов, В. Урываев, В. Шестаков // Исцеляющее Искусство. – 1999. – № 4.
2. Злотникова, Т. С. Время «Ч». Культурный опыт А. П. Чехова. А. П. Чехов в культурном опыте 1887–2007 гг. [Текст] : научная монография. – М. ; Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2007. – 259 с.
3. Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп. Культура [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : ЯГПУ, 2011.
4. Злотникова, Т. С. Эстетические парадоксы режиссуры: Россия, XX век [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012.
5. Франкл, В. Поиск смысла жизни и логотерапия [Текст] / В. Франкл // Психология личности : тексты / ред. : Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. – М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1982.
6. Фрейд, З. Деятельность сновидения [Текст] / З. Фрейд // Фрейд З. О клиническом психоанализе. Избр. соч. – М. : Медицина, 1991.
7. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Изд. гр. «Прогресс» : Универс, 1996.
8. Юрский, С. Кто держит паузу [Текст] / С. Юрский. – М. : Искусство, 1989.

Bibliograficheskij spisok

1. Gavrilov, V., Uryvaev, V., Shestakov, V. Fenomen Aleksandra Lobanova [Tekst] / V. Gavrilov, V. Uryvaev, V. Shestakov // Isceljajushhee Iskusstvo. – 1999. – № 4.
2. Zlotnikova, T. S. Vremja «Ch». Kul'turnyj opyt A. P. Chehova. A. P. Chehov v kul'turnom opyte 1887–2007 gg. [Tekst] : nauchnaja monografija. – M. ; Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2007. – 259 s.
3. Zlotnikova, T. S. Chelovek. Hronotop. Kul'tura [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : JaGPU, 2011.
4. Zlotnikova, T. S. Jesteticheskie paradoksy rezhissury: Rossiya, HH vek [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2012.
5. Frankl, V. Poisk smysla zhizni i logoterapija [Tekst] / V. Frankl // Psihologija lichnosti : teksty / red. : Ju. B. Gippenrejter, A. A. Puzyreja. – M. : Izd-vo Mosk. Un-ta, 1982.
6. Frejd, Z. Dejatel'nost' snovidenija [Tekst] / Z. Frejd // Frejd Z. O klinicheskom psihoanalize. Izbr. soch. – M. : Medicina, 1991.
7. Jung, K. G. Problemy dushi nashego vremeni [Tekst] / K. G. Jung. – M. : Izd. gr. «Progress» : Univers, 1996.
8. Jurskij, S. Kto derzhit pauzu [Tekst] / S. Jurskij. – M. : Iskusstvo, 1989.

Reference List

1. Gavrilov V., Uryvaev V., Shestakov V. Phenomenon of Aleksandr Lobanov // Curing Art. – 1999. – № 4.
2. Zlotnikova T. S. Time of «Ch». Cultural experience of A. P. Chekhov. A. P. Chekhov in cultural experience of 1887–2007: scientific monograph. – M.; Yaroslavl : YSPU Publishing House, 2007. – 259 p.
3. Zlotnikova T. S. Man. Chronotope. Culture. – Yaroslavl : YSPU, 2011.
4. Zlotnikova T. S. Aesthetic paradoxes of direction: Russia, XX century. – Yaroslavl : YSPU Publishing House, 2012.
5. Frankl V. Search of meaning of life and logotherapy // Psychology of the person: texts / V. Frankl; edition: Yu. B. Gippenreyter, A. A. Puzyrey. – M. : Moscow University Publishing House, 1982.
6. Freud H. Activity of dreaming // Freud S. About a clinical psychoanalysis. – M. : Meditsina, 1991.
7. Jung K. G. Problems of soul of our time. – M. : Prod. group «Progress»: Univers, 1996.
8. Yursky S. Who holds a pause. – M. : Iskusstvo, 1989.